

Н.Н. Наседкин

Мармеладов

МАРМЕЛАДОВ Семен Захарович — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», титулярный советник; муж Катерины Ивановны Мармеладовой, отец Софьи Семеновны Мармеладовой, отчим Полины, Лидочки (Лени) и Коли. Раскольников впервые встречается с ним накануне своего преступления в «распивочной», где Мармеладов, пребывающий в глубоком запое, пропивал последние деньги, данные ему дочерью Соней. «Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово. Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию. Он беспрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить. Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отеками от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положив продранные локти на залитый и липкий стол. Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил:

— А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, соединенную с сердечными чувствами, и, кроме того, состою титулярным советником. Мармеладов — такая фамилия; титулярный советник. <...>

Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь. С какою-то даже жадностью накинулся он на Раскольникова, точно целый месяц тоже ни с кем не говорил.

— Милостивый государь, — начал он почти с торжественностью, — бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. <...>

Он налил стаканчик, выпил и задумался. Действительно, на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена. Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирные, красные, с черными ногтями. <...> Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность,

и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают. Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение...»

При первом же разговоре Мармеладов рассказывает Раскольникову всю историю своей жизни, свой жены, дочери Сони: жил в провинции, будучи вдовцом и имея четырнадцатилетнюю дочь, женился на Катерине Ивановне — офицерской вдове с тремя малолетними детьми, вскоре потерял место, перебрался в Петербург, нашел работу и опять потерял, семья впала в полную нищету, и Соня вынуждена была пойти «по желтому билету» — на панель... И вот он опять потерял только что предоставленное ему в самый последний раз место, украл и пропил все семейные деньги, вицмундир, пять дней не был дома и ночевал «на сенных барках».

Раскольников, проводив его домой, оставил у Мармеладовых на столе все деньги, оставшиеся от только что заложенных у Алены Ивановны «на пробу» часов. Встреча-знакомство с этой семьей стала еще одним толчком, подтолкнувшим Родиона на осуществление своей «идеи»: убить вредную богатую старушонку, дабы спасти сестру Дуню, по сути, от судьбы Сони Мармеладовой. Через несколько дней Мармеладов попадет под лошадь на улице, случайно в этот момент будет проходить мимо Раскольников — он узнает своего нового знакомого, его успеют живым доставить домой, где он и успеет попросить прощения перед смертью у жены и дочери за свою пьяную жизнь и нелепый конец. Не дано ему уже было узнать, что поминки по его загульной душе (устроенные на деньги Раскольникова) спровоцируют грандиозный скандал, уход Катерины Ивановны с детьми из дома и ее гибель-смерть на постели Сони, в ее убогой комнате... Между прочим, не исключено, что отчаявшийся Мармеладов попал под лошадь не случайно: по крайней мере, кучер свидетельствовал, что лошадей он придержал, но несчастный «прямохонько им под ноги так и пал! Уж нарочно, что ль...» И вдова Мармеладова не сомневается: «Ведь он сам, пьяный, под лошадей полез...»

Кроме горького афоризма «Бедность не порок... Но нищета — порок-с», в уста Мармеладова вложен еще один из самых «достоевских» афоризмов Достоевского: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!»

Мармеладов, судя по всему, должен был стать одним из главных героев неосуществленного замысла «Пьяненькие» (1864). Фамилия героя несет в себе горько-иронический смысл — уж никак не назовешь сладкой, «мармеладной» жизнь бедного чиновника и его семейства. Прототипами его в какой-то мере послужили литератор П. Горский и А. Исаев.

Петр Никитич Горский, штабс-капитан в отставке, литератор, автор двухтомника «Сатирические очерки и рассказы», начал сотрудничать в журнале «Время» и там познакомился с Достоевским. Достоевский невысоко оценивал художественные достоинства очерков Горского, но считал, что с точки зрения «фактов» они для журнала полезны. Достоевский помогал Горскому материально, поддерживал его, навещал в больнице, куда тот угодил с психическим расстройством из-за алкоголизма.

С Александром Ивановичем Исаевым, первым мужем М.Д. Исаевой, Достоевский познакомился с ним весной 1854, и между ними сложились приятельские отношения. Исаев, чиновник особых поручений при таможне в Семипалатинске, затем заседатель по корчемной части в Кузнецке, был человеком незлобивым, слабовольным, сильно пьющим. Мария Дмитриевна тяготилась жизнью с мужем-алкоголиком. Сам Достоевский в письме к брату Михаилу из Семипалатинска так характеризовал Исаева: «Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась места, мало-помалу, они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и

натура-то его была довольно беспорядочная, страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустил в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустил ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал все, об чем бы с ним ни заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. <...> С ними почти все раззнакомились <...> Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унизителен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба...» Через полтора года после смерти Исаева Достоевский женился на его вдове.

Вероятно, Достоевский вспоминал Исаева, создавая образы своих героев-пьяниц с «амбицией», вроде Мармеладова.